

О СУДЕБНОЙ СЛУЖБѢ.

(Всѣды съ кандидатами на судебныя должности).

Est igitur proprium minus magistratus intelligere se gerere personam civitatis, debereque eius dignitatem et decus sustinere, servare leges, iura describere, ea fidei suae commissa meminisse.

Cicero. De officiis, I, 34.

I.

Каждый честный и здравомыслящий человѣкъ, избирая свой жизненный путь, долженъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, почему именно онъѣвлаждать толь или другой выборъ, чего потребуетъ отъ него выбранное поприще и что самъ онъ ему принесеть. Безъ полнаго пониманія важнейшихъ условій будущей дѣятельности она свѣдется къ случайному ремеслу; исполнять же принятое на себя дѣло безъ любви и призыва къ нему, значитъ тянуть нескончаемую, тяжелую лямку, едва передвигая съ места грузъ непосильный или давно наскушившій. Таковъ неизмѣнныи законъ всякой работы, соединенной съ умственнымъ и нравственнымъ напряженіемъ, — таково же и неизбѣжное частное его проявленіе въ службѣ по судебному вѣдомству. Иль году въ годъ множество молодежи стремится къ высшему юридическому образованію и затѣмъ, окончивъ его, вступасть на судебную службу; но многие ли, положа руку на сердце, могутъ сказать: я знаю, что побудило меня выбрать именно эту дорогу, я вѣжу, что она можетъ доставить мнѣ, и добросовѣстно надѣюсь и самъ быть на ней плодотвори? Нѣтъ, опровергнувъ действительность словъ ее въ

состояніи дать этого утѣшительного отвѣта и, напротивъ того, заставляеть признаться, что среди насть гораздо больше ремесленниковъ судебнай профессіи, чиновниковъ судебнаго вѣдомства, пожалуй даже дилетантовъ судебнаго дѣла, чѣмъ настоящихъ судебныхъ дѣятелей. Мы служимъ и дѣйствуемъ, часто сами не зная зачѣмъ, какъ придется, какъ положить богъ на душу, не проникаясь истиннымъ, животворнымъ духомъ нашего дѣла, не чувствуя къ нему особенной склонности или охоты, и поэтому мало заботясь о томъ, что изъ него выйдетъ. А между тѣмъ, великое дѣло правосудія требуетъ, кромѣ специальныхъ познаний и опыта, еще служенія сознательнаго и искренно преданнаго, разумѣнія яснаго и твердаго, воли крѣпкой, чувства правды развитаго и чуткаго. Творить судъ «по указу Императорскаго Величества», т. е. по закону и справедливости, или въ какомъ бы то ни было качествѣ въ этомъ участвовать—не все равно, что писать бумаги, присутствовать въ засѣданіи или судебнай камарѣ, произносить рѣчи или вообще отправлять известныя судебныя повинности. Это нечто по внутренней своей сущности—неизмѣримо болѣе высокое, серьезное, трудное, налагающе священный долгъ, ставящее возвышенныя задачи. Много правъ надъ общежитіемъ и согражданами предоставляетъ судебная служба тѣмъ, кто ей себя посвящаетъ, чѣмъ больше съ нихъ спрашивается и въ соотвѣтствіи съ правами они несутъ и большія обязанности. Формальное содержаніе послѣднѣй точно изложено въ законахъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; а усвоеніе этого содержанія въ его системѣ и подробностяхъ совершается посредствомъ опыта и упражненія. Но ~~оно~~ будетъ блѣдно и безжизненно, если для начинающаго судебнаго дѣятеля не выяснится внутренний смыслъ истиннаго характера и общія очертанія предстоящей ему дѣятельности. Въ ожиданіи уроковъ опыта съ ней важно ознакомиться а рѣзгѣ и заблаговременно. Такому ознакомленію можетъ содействовать вѣрное, основанное на разумѣ законъ и согласныхъ съ нимъ выводахъ практики, наглядное представление о судебнай службѣ и судебныхъ должностяхъ.

Судебная служба, какъ и всякая другая, состоять изъ цѣлесообразнаго исполненія служнаго строя *обязанностей*, для чего исполнителю вручаются всѣ необходимыя права. Они логическими послѣдовательностями вытекаютъ изъ обязанностей, въ которыхъ заключается вся суть, все назначеніе службы. Судебные органы учреждены и поставлены не для того, чтобы пользоваться своими правами, а для того, чтобы нести обязанности, и лишь ради этой цѣли они снабжаются власты. Иѣстество *ex officio*, т. е. формально и нравственно (безъ

тельное, есть существенный признакъ государственной службы въ-
обще, и между прочимъ по судебному вѣдомству. Такъ, слѣдователь
обязанъ изслѣдоватъ преступленіе и обнаружить виновнаго, проку-
роръ—преслѣдоватъ его передъ судомъ, судья—установить заслужен-
ную имъ мѣру законной отвѣтственности, и только какъ средствомъ
исполнить эти обязанности слѣдователь облегченъ правомъ допраши-
вать, обыскивать, осматривать, лишать свободы, прокуроръ—возбуж-
дать и направлять преслѣдованіе, судья — рѣшать судебные споры,
опредѣлять вину или невиновность, налагать наказаніе. Кромѣ власти
производить, въ исполненіе служебнаго долга, известныя дѣйствія,
въ объемъ субъективныхъ служебныхъ правъ входять и личныя,
внѣшняя преимущества служащихъ, создающія ихъ общественное,
иерархическое и материальное положеніе. Все, чѣмъ служащий отли-
чается отъ простыхъ обывателей и даже возвышается надъ ними—
дается ему единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ имѣлъ возмож-
ность въ кругѣ своего служебнаго вѣдѣнія работать на общее благо-
а слѣдовательно и на пользу законныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.
Если на государственную службу взглянуть прежде всего съ указан-
ной точки зрѣнія ея обязанностей, то въ системѣ ихъ можно отмѣ-
тить двѣ стороны: общую и особенную. Къ послѣдней относятся слу-
жебные обязанности въ отдѣльныхъ случаяхъ, по конкретнымъ ка-
зусамъ и дѣламъ; первая же обнимаетъ собою сводъ профессіональ-
ныхъ обязанностей вообще вмѣстѣ со всемъ областью обусловленныхъ
ими общихъ служебныхъ правъ и преимуществъ лицъ, принадлежа-
щихъ къ составу даниаго вѣдомства или учрежденія. Правила о слу-
жебныхъ обязанностяхъ этого рода весьма многообразны: одни изъ
нихъ опредѣлительно выражены въ подлежащихъ узаконеніяхъ, дру-
гія коренятся въ освященныхъ временемъ традиціяхъ профессіи или
сословія, третыи, наконецъ, являясь нравственными предписаніями
сознанія и чести, должны быть неизгладимыми чертами написаны въ
сердцѣ и разумѣ, въ сознаніи личнаго достоинства самихъ дѣятелей.
Совокупность такихъ правилъ образуетъ общую *дисциплину* службы,
не въ томъ узкомъ, техническомъ смыслѣ этого слова, въ кото-
ромъ принято обозначать имъ простое подчиненіе служащихъ па-
чальству, а въ болѣе широкомъ, научномъ значеніи понятія о дис-
циплинѣ, которое, по самому этимологическому его происхожденію
отъ латинскаго *discere plena*, выражаетъ собою одновременно и глу-
бокое изученіе, и строгое соблюденіе правилъ. По авторитетному же
определению французской академіи, дисциплина есть «уставъ, поря-
докъ, правила дѣятельности и поведенія, обязательныя для всѣхъ».

принадлежащихъ къ одному сословію или корпорації¹). Такимъ образомъ понимаемая служебная дисциплина представляетъ могучій рычагъ всякой отрасли государственной дѣятельности. Только при его правильномъ дѣйствіи возможно помышлять о стройномъ и дружномъ, а потому и неотразимомъ стремлениіи дисциплинированныхъ силь къ единой цѣли. За то, когда рычагъ этотъ бездѣйствуетъ, механизмъ стоитъ и работаетъ вкрай и вкось, и вместо государственного установленія, служебного сословія или профессіональной корпораціи, въ дѣйствительности получается безформенное и беспорядочное собраніе случайныхъ работниковъ. Вотъ почему приглашеніе служащихъ какого либо учрежденія къ поддержанію между ними разумной дисциплины, въ ея приведенномъ выше смыслѣ, знаменуетъ собою отнюдь не напрасное утѣсненіе или обремененіе тягостями, безъ которыхъ, пожалуй, можно было бы и обойтись, а напротивъ того живую заботливость о пользѣ дѣла, объ облегченіи и упорядоченіи его добросовѣстнаго исполненія. При подобномъ своевременному призывѣ къ дисциплинѣ или внутреннему порядку умѣсто вспомнить благожелательное восклицаніе Эразма Роттердамскаго, съ которымъ великий гуманистъ-сатирикъ обратился къ своимъ читателямъ: *admodum volumus, non mordere, docere, sed non laedere!*

II.

Судебная служба есть не болѣе и не менѣе, какъ видъ, отрасль службы государственной, которая издавна, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, была предметомъ особыхъ попечений законодательства. «Государева служба» служилыхъ людей, «Государевъ судъ», отправляемый по Государеву указу» боярами и окольничими, думными людьми и дьяками, всякими приказными людьми и судьями²), эти основы старого русского допетровского государства подробно опредѣляются еще въ Уложеніи Царя Алексея Михайловича. Впослѣдствіи, начиная съ Петра Великаго и до нашего времени, многіе законодательные акты первостепенной важности были посвящены разъясненію и установлению какъ значенія такъ и общихъ обязанностей государственной службы. Совокупное содержаніе главнейшихъ изъ этихъ актовъ сведено къ 13 статьямъ Устава о службѣ по опредѣлению отъ правительства т. III. Св. Законовъ (ст. 712—724 уст. о службѣ т. III

1) «Reglement, ordre, regle de conduite commune à tout ceux qui font partie d'un corps. d'un «тѣло».

2) Уложение царя Алексея Михайловича. Гл. X, ст. 1

Св. Закон. изд. 1876 года). На основании этихъ статей въ связи съ ихъ источниками³⁾ можно въ краткихъ чертахъ воспроизвести слѣдующій кодексъ общихъ служебныхъ обязанностей по нашимъ законамъ, образовавшейся путемъ исторического ихъ наслоенія:

I. Какъ бы вступленіемъ къ нему является присяга на вѣрность службѣ, установленная еще въ генеральномъ регламентѣ Петра Великаго 28 февраля 1720 года и редактированная въ распространенномъ видѣ въ законѣ 23 декабря 1825 года.

II. Даље опредѣляется отношеніе служащихъ къ закону: «всякій служащий» — постановляетъ ст. 715 Уст. о сл., заимствованная изъ Петровскаго указа, изображенаго и теперь на зерцалѣ — «долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность сѣдать все уставы и законы государственные и содержать ихъ въ ненарушимой сохранности, яко первый главный предметъ, отъ которого зависитъ правое и благонамѣренное управление всѣхъ дѣлъ; законъ, запрещающій всѣмъ вообще подданнымъ отовариваться неудѣніемъ законовъ, преимущественно подтверждается въ отношеніи къ лицамъ, служащимъ въ государственной службѣ». Затѣмъ предписывается соблюденіе законности всякаго служебнаго дѣйствія и, сообразно съ этимъ, возбраняется служебный произволъ: «никто изъ служащихъ не долженъ простирать власти своей за предѣлы, назначенныя ей закономъ» (ст. 717).

III. Перечисляя общія качества каждого лица, состоящаго въ гражданской службѣ, и общія обязанности, которые должны быть всегда «зерцаломъ всѣхъ его поступковъ», законодатель указываетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ, который еще носить на себѣ несолько метафизической отпечатокъ Екатерининскаго Устава Благочинія (8 апрѣля 1782 г.): 1) «здравый разсудокъ», 2) «добрая воля въ отправлении порученнаго», 3) «человѣкомиліе», 4) вѣрность къ службѣ, *Его Императорскому Величеству*, 5) усердіе къ общему добру, 6) рачѣніе о должностіи, 7) честность, безкорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ, 8) правый и равный судъ всякому состоянію, 9) покровительство невинному и скорбящему» (ст. 712). Нѣкоторыя части этого перечня возвышенѣйшихъ требованій и пожеланій находять себѣ и ближайшее поясненіе. Такъ, въ развитіе требованія о безпри-

3) Полное Собр. Зак. 1720 г. 28 февр. (3534), главы 1, 25, 26; 1724 г. 20 января (4423); 22 янв. (4436); 1761 г. 21 апр. (12137) ст. 4, 5; 1775 г. 7 ноября (14392); 1782 г. 8 апр. (15379) § 41, ст. 12—15; 1802 г. 16 авг. (20372) п. 2; 1804 г. 29 февр. (21189); 1811 г. 25 июля (24686) §§ 373—375; 1825 г. 23 октября (13).

страстій служащихъ, законъ говоритъ: «никто изъ служащихъ въ исполнении возложенныхъ на него обязанностей не долженъ смотрѣть ни на какое лицо, ни на какія предложенія, а тѣмъ менѣе на particулярныя письма, хотя бы отъ первыхъ лицъ въ государствѣ; но обязанъ исправлять свое дѣло по точной силѣ и слоў законовъ» (ст. 718). Наученный долгимъ и тяжелымъ опытомъ видѣть въ «посудахъ» и взяткахъ одно изъ главныхъ золъ русскаго должностнаго мѣра, законодатель настойчиво заботится о безкорыстіи служащихъ и неоднократно категорически подчеркиваетъ строжайшее запрещеніе укоренившагося въ Россіи лихомства (ст. 712, 714); такъ въ Уставѣ Благочинія Екатерины II (§ 41) коротко, но сильно указывается гибельное и преступное значеніе взятокъ, которыя «ослѣпляютъ глаза и развращаютъ умъ и сердце, устали же налагаютъ узду». Точно также подробно разъясняется требованіе отъ служащаго усердія и ревности къ службѣ; еще въ Петровскомъ главномъ регламентѣ было постановлено (гл. 25), что «главная обязанность каждого служащаго есть знать свое дѣло и исправлять оное вѣрно и прилежно» (ст. 723), а въ манифестѣ Екатерины II обѣ учрежденіяхъ для управления губерній (7 ноября 1775 г.) говорится: «да почитателъ въ людяго сихъ» — т. е. служащихъ — *наивячимъ стыдомъ лѣнѣсть, нерадѣніе и неприлежность къ порученному дѣлу, яко же и главнѣйшимъ понишніемъ да будетъ упущеніе должности и нерадѣніе о части блага общаго имъ вѣреннаю» (714).*

IV. Отъ вниманія законодателя не ускользаетъ и частная жизнь служащаго, насколько она должна быть согласована съ его публичною дѣятельностью. Въ главномъ регламентѣ Петръ Великій заботится о «поведеніи и обхожденіи служащихъ» и вмѣняетъ начальникамъ въ обязанность побуждать своихъ подчиненныхъ «къ добродѣтели и похвальному любочестію» и удерживать ихъ отъ «безбожнаю житія, пьянства, лжи и обмановъ» (ст. 723). Подтверждая это требованіе, Екатерина II въ томъ же вышеупомянутомъ манифестѣ свою присоединить къ нему еще и очевидно винувшее большими сторонами ея вѣка «отвращеніе отъ празднаго провожденія временъ въ роскоши и иныхъ порокахъ, нравы развращающихъ».

V. Въ заключеніе законъ обстоятельно и точно опредѣляетъ взаимныя отношенія между начальниками и подчиненными и вообще служащихъ другъ къ другу. Рекомендую имъ, еще по мысли Петра Великаго (въ генеральномъ регламентѣ), «пребывать между собою въ соединеніи и общимъ вѣрнымъ трудолюбіемъ и прилежною работою чинить другъ другу всякое къ службѣ Ею Императорскаго Вели-

чества вспоможеніе» (стр. 724), законъ обязываетъ подчиненнаго «оказывать уваженіе къ предпоставленному надъ нимъ старшему лицу подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго взысканія по законамъ, принимать отъ него приказанія и исполнять ихъ съ точностью», не простирая, однако же, такого безпрекословнаго подчиненія далѣе предѣловъ законности и соблюденія «интереса Его Императорскаго Величества» (стр. 719 и 721). При этомъ, какъ бы еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мѣстничества и для того, чтобы отогнать отъ современныхъ служащихъ самый призракъ этой язвы старой русской служебной жизни, законъ постановляетъ, что «никто не можетъ себѣ вмѣнять въ предосужденіе, когда, бывъ старшій чиномъ въ порядкѣ службы и по распределенію должностей, подчиненъ будетъ младшему», приказанія котораго онъ, старшій чиномъ подчиненный, «въ семъ положеніи», долженъ исполнять «безъ всякою пререканія» (ст. 720). На ряду съ установленіемъ строгой подчиненности низшихъ чиновъ высшимъ не обойдены молчаніемъ и обязанности послѣднихъ по отношенію къ первымъ, изложенія въ законѣ въ томъ видимо ретроспективномъ духѣ, который невольно переносить къ патріархальнымъ служебнымъ правамъ прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія: «лица начальствующія» — гласить ст. 722 уст. о службѣ — «неусыпно наблюдая за строгимъ и точныи исполненіемъ подчиненными должностей и действуя въ томъ законными средствами побужденія и взысканія, не должны, однако же, отнюдь употреблять во зло данной имъ власти и не въправъ отягощать подчиненныхъ дѣлами, къ званію ихъ не принадлежащими, а тѣльце болѣе позволять себѣ жестокое и непримичное съ ними обращеніе и всякие поступки, противные законамъ и важности службы, подвергая ихъ ответственности и наказаніямъ не иначе, какъ въ порядкѣ для сего установленномъ». Многія изъ вышеприведенныхъ законоположеній, вошедшихъ въ Сводъ Законовъ, изложены языккомъ уже нѣсколько устарѣвшимъ, съ длиннотами и разсужденіями, свойственными вѣшней формѣ прежнаго законодательства; многія, не поддаваясь опредѣленной юридической санкціи, представляютъ собою скорѣе прекрасныя, соціально-этическія ріа desideria, нежели точныя предписанія закона; многія, наконецъ, отзываются временами и нравами, давно минувшими, — но это не можетъ умалить или ослабить обязательнаго значенія и высокую поучительность этого общаго кодекса нашей служебной дисциплины. Выработанный историческимъ развитиемъ отечественнаго права, онъ, не смотря на свои архаизмы, дѣйствуетъ и по нынѣ, представляя

себою какъ бы *credo* служащаго, доступный и понятный каждому. Посвящающій себя государственной службѣ дѣятель найдеть въ немъ все, что нужно для общаго наставленія и руководства въ служебной дѣятельности. Въ своей сжатой, краткой сущности указанныя требованія и обязанности слагаются для русскаго служащаго человѣка въ такую повелительную формулу:

1) чтитъ впру и церковь; 2) служитъ Государю; 3) любить отечество; 4) блюсти законы; 5) стоять за правду; 6) хранить безкорыстіе; 7) радыть о должности; 8) жить честно; 9) трудиться дружно; 10) начальству повиноваться, а подчиненныхъ, не унитетая, руководить.

III.

Все, что въ законахъ постановлено о государственной службѣ вообще, относится, конечно, и до судебной службы въ различныхъ званіяхъ и должностяхъ по судебному вѣдомству. Отличительныя черты и особенныя задачи этого послѣдняго не могли, однако же, не отразиться и въ законодательствѣ. Объ обязанностяхъ суда, а слѣдовательно и служащихъ въ немъ, оно упоминаетъ отдельно въ весьма опредѣлительныхъ и сильныхъ выраженіяхъ. Еще въ Уложеніи Царя Алексея Михайловича предписывается «*судити и расправу дѣлами по Государеву Указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по дружбе и по недружбѣ ничего не прибавливати и не убавливати и ни въ чемъ не норовити, дѣлами всякие Государесы дѣла, не стыдяся лицъ сильныхъ и избавляти обидаша отъ руки неправеднаю*» (гл. X, ст. 1).

Въ дѣйствующей и теперь ст. 712 устава о службѣ гражданской, заимствованной цѣликомъ изъ Екатерининскаго Устава Благочинія, въ числѣ общихъ обязанностей служащихъ, помѣщены и относящіяся прямо до судебнаго вѣдомства: «*правый и равный судъ всякому состоянию*», а также «*покровительство невинному и скорбящему*». Но всего важнѣе законодательныя опредѣленія новаго, ближайшаго къ намъ времени. Въ манифестѣ 19 февраля 1856 года по случаю восшествія на престоль почившаго Государя Императора Александра Николаевича, какъ одно изъ первыхъ Его желаній, возвѣщены были знаменитыя слова, которыя намъ слѣдуетъ, не употребляя всуе, помнить и поминать съ благоговѣніемъ: «*да правда и милость царствуютъ въ судахъ*». Онь явились провозѣстниками Судебныхъ Уставовъ, которые были изданы, какъ сказано въ Указѣ 20 ноября 1864 года,

прежде всего для того, чтобы «вводорить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ», и для того также, чтобы «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждого, отъ высшаго до низшаго». Эти два великихъ изреченія начертаны на профессиональномъ знамени, врученномъ Верховною Властью новому судебному вѣдомству; оно не только должно высоко держать его, но съ честью и достоинствомъ, но и обязано, подъ опасеніемъ измѣны своему долгу, передавать его изъ поколѣнія въ поколѣніе незапятнаннымъ и неповрежденнымъ. Что же касается до общихъ обязанностей каждого отдѣльного лица, состоящаго на судебной службѣ, то онъ особенно ясно формулированы въ присягѣ на должность судьи (прилож. къ ст. 225 учр. суд. устан.)—«хранитъ вѣрность Ею Императорскому Величеству Самодержицу Всероссийскому, исполнять свято законы Имперіи, творить судъ по чистой совѣсти, безъ всякою въ чью либо пользу лицепріятія, и поступать во всемъ соотвѣтственно принимающему званію.

Наконецъ, судебный дѣятель не забудетъ никогда и то выдающееся простотою и краткостью выясненіе назначенія новой судебной службы, которое она получила изъ устъ самого создателя новаго суда: посѣтивъ 14 апрѣля 1866 года, т. е. за три дня до открытия въ Петербургѣ новыхъ судебныхъ установлений, только что отстроенное ихъ зданіе, Императоръ Александръ II обратился къ представленнымъ Ему судебнѣмъ чинамъ съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что Вы оправдаете оказанное Вамъ довѣріе и будете исполнять новая Ваши обязанности добросовѣтно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, чтѣ, впрочемъ, одно и тоже. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!»

Изъ вышеприведенныхъ изъявленій законодательной воли можно вывести общее требование, которому должны удовлетворять его исполненіе и исполнители: — *отправлять судъ по закону, правду и совѣсти, съ строжайшимъ и неуклоннымъ соблюденіемъ безпристрастія* въ чѣмъ законодатель видѣтъ главнѣйшее коренное основаніе правосудія, трудно достичимое, легко теряемое и потому подлежащее самому бережному охраненію.

Законодатель, очевидно, могъ только намѣтить общее основное начало судебной службы; дальнѣйшя же ея условия и требования ея дисциплины указываются уже самыми существомъ ея и значеніемъ

въ области потребностей государственной и общественной жизни, опыт которой, отражаясь на практикѣ судебной дѣятельности, подсказываетъ ея подробности, съ годами пролагаетъ глубокое русло, направляетъ теченіе. Служацій въ судебномъ вѣдомствѣ, подобно всякому другому служащему, несетъ государственную службу и состоять подъ руководящимъ властю правительства, какъ одинъ изъ множества его органовъ. У него однѣ общія цѣли съ служащими другихъ вѣдомствъ и все различіе между ними сводится къ различію точекъ отправленія, путей и средствъ дѣйствія. Ничего въ общественномъ смыслѣ обособленного и самодовлѣющаго, никакого *status in statu* судебное вѣдомство собою не представляеть. Въ научно-историческомъ развитіи старой теоріи раздѣленія государственныхъ властей, судебная власть признается одною изъ производныхъ вѣтвей исполнительной власти, которой противополагается только власть законодательная. У настѣ и та и другая, какъ части и проявленія одного правительства, происходить изъ верховнаго источника русскаго государственного права—самодержавной власти монарха. Такое специальное положеніе нашего судебнаго вѣдомства ни мало не исключаетъ установленной закономъ самостоятельности судебнай власти и отдѣльности ея отъ власти административной. Это два двигателя одного и того же великаго организма, существующіе для того, чтобы работать ему на пользу и хотя отдельно, каждый въ своей области, но всегда согласно, сообща и не безъ точекъ соприкосновенія. Особенности въ дѣятельности обусловливаютъ и особенности въ устройствѣ, по отсюда различия и несогласія властей еще огромное разстояніе, перейти которое, до антагонизма между вѣдомствами, нельзѧ безъ явной нелѣпости, мелкихъ личныхъ побужденій и прямаго государственного вреда. Никто не станетъ спорить противъ того, что между призваніемъ и дѣятельностью, съ одной стороны, слѣдователя, прокурора, суды и съ другой, напримѣрь, чиновника полиціи, контрольнаго или финансового вѣдомства есть глубокое основное различіе, но есть также и капитальная общая, связующая ихъ черта: тѣ и другіе, каждый по своему служить правительству, для блага общества и государства, имѣютъ дѣло съ интересами и потребностями населения, удовлетворять которымъ составляетъ задачу власти, многообразной въ своихъ проявленіяхъ, но въ существѣ единой и нераздѣльной. Все это истинны столько же очевидныя, сколько азбучныя и элементарныя, но и ихъ можно запутать софизмами, извратить при исполненіи практическія ихъ послѣдствія. изъ муhi дѣлая слона и изъ вопросовъ личнаго самолюбія искусственно создавая минимую борьбу принциповъ; по-

этому необходимо твердой ногой стоять на ихъ устойчивую почву и въ судебной практикѣ не увлекаться бумажною войною, нерѣдко только съ призраками. По поводу тенденціознаго разъединенія между судебнымъ вѣдомствомъ и другими ему сопредѣльными, особенно же по поводу иногда встрѣчающихся ревнивыхъ притязаній на какую то мнимую его замкнутость и превосходство, совокупность лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, можно уподобить дисциплинированной арміи. Плохо придется ей и мало у нея шансовъ на побѣду, если въ рядахъ ея пѣхота будетъ непріязненно соперничать съ кавалеріей, артиллериа будетъ мнить себя привилегированнымъ оружиемъ высшаго порядка, а штабъ станетъ чуждаться или третировать своихъ простыхъ соратниковъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что сила всякаго соединенія государственныхъ органовъ—въ единствѣ ихъ строя и дѣйствія, а главное—духа, ими владѣющаго. Вотъ пояснему личный составъ служащихъ по судебному вѣдомству, вслѣдствіе иѣкоторыхъ исключительныхъ его условій, о которыхъ рѣчь впереди, образуетъ по мысли самого закона своего рода *состоіе*, имѣющее извѣстные корпоративные оттѣнки. Но, во имя общественнаго блага и ради пользы судебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, да не сдѣлается никогда это сословіе *кастою*, которой неразлучные спутники—безжизненность и нетерпимость. Касты обречены на застой и постепенное мертвящее разложеніе, пока не наступить для нихъ никѣмъ не оплаканная смерть; судебное же вѣдомство и сословіе созданы для поддержанія и охраненія вѣчно движущейся и обновляющейся тройственной жизни—личной, общественной, государственной.

Кромѣ однѣхъ и тѣхъ же конечныхъ задачъ, судебную службу не разрывно связываетъ со всѣми другими видами правительственной дѣятельности еще одна свойственная послѣдней общая характеристическая черта, на которую среди настѣнъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Черта эта—*публичный* характеръ службы, служеніе не отдельнымъ, индивидуальнымъ интересамъ, всегда отчасти своеокорыстнымъ, а началу общему. Для усвоенія этого характера нуженъ нѣсколько идеальный взглядъ на свою дѣятельность и призваніе, не поддающейся одному сухому и холодному разсудку; пониманіе указанной черты требуетъ до извѣстной степени альтруистического чувства, сознательной нравственной оцѣнки своего дѣла, неравнодушнаго отношенія не только къ его результатамъ, но и къ самымъ способамъ его исполненія. Наемнику все равно, кому и чему онъ служить, но уважающій себя дѣятель, не замкнувшись въ трубою эгоизмъ или низменномъ разсчетѣ, не можетъ не задаваться этими